

библиотека
РАПН
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Российская ассоциация
политической науки
Исследовательский
комитет по сравнительному
изучению партийных
и избирательных систем

Партийная организация и партийная конкуренция в «недодемократических» режимах

Москва
РОСПЭН
2012

УДК 32
ББК 63.0
П18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

Проект «Политическая наука в России:
профессионализация, международная интеграция,
выведение на уровень мировых стандартов»,
грант № 08-92128-000-GSS

Редакционный совет Российской ассоциации политической науки:
А. И. Соловьев (председатель), О. В. Гаман-Голутвина, М. В. Ильин,
Ф. А. Лукьянов, О. Ю. Малинова, Е. Ю. Мелешкина, А. И. Никитин,
С. В. Патрушев, Ю. С. Пивоваров, О. В. Попова, Л. В. Сморгунюв,
А. К. Сорокин, С. В. Чугров, А. В. Шевченко

**Партийная организация и партийная конкуренция в «недемо-
кратических» режимах** / под ред. Ю. Г. Коргунока, Е. Ю. Мелеш-
киной, О. Б. Подвинцева и Я. Ю. Шашковой. — М. : Россий-
ская ассоциация политической науки (РАПН); Российская
политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 300 с. —
(Библиотека РАПН).

ISBN 978-5-8243-1642-1

Монография посвящена развитию партий и партийных систем в условиях «недемократических» режимов. В качестве основы для исследования выбраны разнообразные аспекты партийной жизни постсоветской России, однако для сравнения привлечен также опыт ряда стран СНГ, в частности Украины и Казахстана.

Проанализированы основные параметры партийных систем в условиях «недемократии»; особенности структуры партийного спектра современной России; влияние партийной реформы 2000-х гг. на специфику организационного устройства российских партий (в качестве основных индикаторов выбраны состояние партийных финансов и эволюция социально-демографического состава руководящих партийных органов) в сравнении с партиями Украины и Казахстана; трансформация структуры электоральных размежеваний на парламентских выборах в Российской Федерации на протяжении 1993–2007 гг. — как индикатора изменений в мотивации голосования; особенности регионального избирательного процесса — как показателя препятствий, с которыми сталкивалась политика по обеспечению доминирования «Единой России» на всех уровнях управления. Отдельная глава посвящена эволюции партийной организации и партийных систем в регионах РФ.

Для научных сотрудников и преподавателей вузов, а также аспирантов и студентов старших курсов — политологов, социологов, философов, специалистов в области государственного и муниципального управления.

УДК 32
ББК 63.0

ISBN 978-5-8243-1642-1

© Коллектив авторов, 2012
© Российская ассоциация политической науки, 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Коргунок Ю.Г., Мелешкина Е.Ю.)	5
Раздел I. Партийная система «недемократических» режимов и особенности партийного спектра современной России	10
Глава 1. Партии без демократии (Макаренко Б.И.)	11
Глава 2. Структура партийного спектра России (Мелешкина Е.Ю., Толтыгина О.А.)	27
Раздел II. Организационная структура политических партий в условиях «недемократии»	51
Глава 3. Реформа партийного законодательства и организационное устройство партий (Коргунок Ю.Г., Иванова М.В., Гончарик А.А.)	52
Глава 4. Вопросы партийного финансирования и типы партийной организации (Коргунок Ю.Г.)	61
Глава 5. Анализ состава руководства политических партий постсоветской России (Коргунок Ю.Г., Шендрикова М.А., Михалёва Г.М., Лебедюк В.Н., Кармазина Л.И.)	84
Раздел III. Трансформация электорального пространства: предпосылки и пределы административной экспансии	186
Глава 6. Трансформация структуры электоральных размежеваний в постсоветской России и изменение роли идеологической мотивации в поведении избирателей (Коргунок Ю.Г., Ахременко А.С.)	188
Глава 7. Выборы регионального и местного уровня: пределы политики доминирования (Подвинцев О.Б., Панов П.В., Иванова М.В.)	217
Раздел IV. Партийная организация и партийные системы на региональном уровне	259
Глава 8. Партийная организация в регионах (Шашкова Я.Ю., Ковалёв В.А., Баранов А.В., Подвинцев О.Б.)	260

Глава 9. Региональные партийные системы: смена парадигм (Шашкова Я.Ю., Ковалёв В.А., Баранов А.В., Панов П.В.)	272
Заключение (Коргунок Ю.Г., Мелешкина Е.Ю.)	294
Сведения об авторах	299

ВВЕДЕНИЕ

Развитие современной демократии неразрывно связано с политическими партиями. Вместе с тем последние могут быть атрибутом не вполне демократических и даже совершенно не демократических режимов. И если применительно к демократическим и тоталитарным (закрытым авторитарным) режимам роль, функции и организационная структура политических партий изучена достаточно подробно, то этого нельзя сказать о формально демократических режимах, в которых деятельность официальных демократических институтов блокируется неформальными практиками. Эти практики оказывают существенное влияние на роль и место партий в политической системе, характер партийной (и вообще политической) конкуренции, взаимоотношения между властью и оппозицией, равно как и между различными отрядами оппозиции, в т. ч. системной и внесистемной, на организационную структуру и тактику партий, способы их финансирования и многое другое.

Проблема особенностей партийной организации и партийной конкуренции в «недемократических» странах особенно актуальна в современной России и других странах постсоветского пространства, политические режимы которых часто характеризуются как «демократии с прилагательными» (электоральная демократия, делегативная демократия). Персонализация политических режимов, усиление личного влияния и роли персональных связей в ущерб институтам, широкое использование административного ресурса обусловили значительное своеобразие роли политических партий, организации внутрипартийной жизни и связей с внешней средой. Все эти явления и процессы нуждаются в тщательном и глубоком предметном анализе. Данная коллективная монография посвящена постановке соответствующей исследовательской повестки дня. В ней предлагается набор возможных исследовательских точек зрения на пути решения научных задач, связанных с отдельными аспектами обозначенной проблемы.

Работая над текстами глав монографии, авторы столкнулись с рядом методологических трудностей, упоминание о которых, как мы полагаем, было бы интересно нашему читателю.

Первая трудность заключается в использовании устоявшихся в политической науке понятий для анализа российских и шире — пост-

Выводы

Таким образом, за годы постсоветского развития в стране произошла существенная трансформация электорального пространства, сопровождавшаяся постепенным вытеснением идеологического размежевания («реформисты — антиреформисты») противостоянием власти и общественности. Особенно это бросается в глаза, если смотреть на процесс с высоты птичьего полета, т. е. брать за основу анализ данных по субъектам Федерации.

Однако если опуститься на более низкий уровень — на уровень регионов, взяв за отправную точку данные по территориальным избирательным комиссиям, то картина обретет более сложный характер. Станет, в частности, понятно, что деидеологизация движущих мотивов голосования вовсе не являлась результатом административной экспансии, скорее, наоборот — она создавала предпосылки для последней.

В начале 1990-х гг. основным движущим мотивом голосования было воодушевление, связанное с надеждами на успешное осуществление либерально-рыночных реформ, оно и обеспечило размежеванию по линии «реформисты — антиреформисты» ведущую роль. По мере того как воодушевление спадало, а надежды не реализовывались, первоначальная четкость этого размежевания размывалась, и выбор избирателя перемещался из идеологической плоскости сначала в идейно-ценностную («антиреформисты — модернисты» — в этой дихотомии избирателем адекватно идентифицировалась только одна, антиреформистская, часть, тогда как другая представляла собой пеструю смесь политических образований, изъяснявшихся более или менее современным языком), а затем и в ценностную («патерналисты — самоуправленцы» — здесь поводом для отнесения той или иной партии к одной из сторон являлись скорее интуитивные, нежели сколько-нибудь отрефлексированные соображения: избиратель больше реагировал не на содержание, а на форму обращенных к нему речей, на отражавшуюся в политическом языке систему ценностей).

Причиной этого размывания было отсутствие в общественном сознании связи между идеологемами и прагматическими мотивами, подобной той, которая заставляла западноевропейских рабочих первой половины XX в. голосовать за социалистов, а средний класс — за либералов, консерваторов, христианских демократов и т. п. В постсоветской России прагматическая мотивация голосования касалась в первую очередь размежевания между центром и регионами; прагматическое размежевание между рыночниками и социальными протекционистами проявилось только в двух последних избирательных циклах, да и то на довольно маргинальном уровне — во многом

в силу подавляющего превосходства вторых над первыми. Напротив, распространение получило размежевание между идеократами и прагматиками, в котором одна часть избирателей ориентировалась на организации с более или менее четкой идеологической платформой, а другая предпочитала тех, кто вместо выдвижения обширных программ доступным (хотя и заведомо упрощенным) языком говорил о проблемах, наиболее волнующих население.

С другой стороны, административная экспансия в сферу публичной политики протекала не в виде простого расширения круга регионов, где главным мотивом голосования являлось либо согласие подчиниться влиянию органов власти и должностных лиц, либо стремление сопротивляться им, а исподволь — через апелляцию «партий власти» к определенным ценностям. Так, по итогам выборов 1999 г. большинство регионов оказалось в промежуточной «серой зоне», в которой доминировали размежевания между патерналистами и самоуправленцами либо федералистами и унитаристами. Причем граница между этими двумя вариантами различима с трудом: в обоих случаях главными участниками противостояния выступали СПС, «Яблоко» и ОВР, с одной стороны, и «Единство», Блок Жириновского, КПРФ и пр., с другой. Выявленное результатами выборов безусловное преобладание патерналистов (унитаристов) над самоуправленцами (федералистами) ускорило переход электорального пространства под административный контроль.

Дальнейшее угасание идеологического запала привело к тому, что избиратель все в меньшей степени выступал в роли субъекта выбора и все в большей — в роли объекта воздействия, прежде всего со стороны власти. В электоральном пространстве образовывались обширные пустоты, в которые и устремила свою экспансию бюрократия.

ГЛАВА 7. ВЫБОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УРОВНЯ: ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИКИ ДОМИНИРОВАНИЯ

Как уже отмечалось выше, особенностью политического процесса в регионах с самого начала была гораздо меньшая степень идеологизированности электорального поведения и, соответственно, намного меньшая, чем на федеральном уровне, роль политических партий и намного более сильное влияние на избирательный процесс со стороны властных лиц и структур. Поэтому говорить об административной экспансии из центра в регионы не приходится. Напротив, как явствует из сказанного в предыдущем разделе, очагом, из которого болезнь под названием «административный ресурс» распространилась на остальную страну, явилась группа национальных республик.

Это вовсе не означает, что именно региональная бюрократия наложила свой контроль электоральное пространство страны. Ровно наоборот: административная экспансия в сферу публичной политики сопровождалась усилением позиций федеральной бюрократии в ущерб бюрократии региональной и местной. Вехами в строительстве «властной вертикали» являлись проигрыш блока «Отечество — вся Россия» наскоро слепленному Межрегиональному движению «Единство» («Медведь») на выборах 1999 г., победа кандидата Кремля на президентских выборах 2000 г., реформа Совета Федерации, приведшая к его превращению из палаты «региональных баронов» в чисто декоративный орган (2000), отмена губернаторских выборов и перенос выборов Госдумы исключительно по партийным спискам (2004), а также внедрение пропорциональной системы на региональных и местных выборах. Закон о проведении выборов в региональные собрания по смешанной системе был принят еще в 2002 г., а внедрение пропорциональной системы на выборах местного уровня не завершено до сих пор.

Формально внедрение пропорциональной системы на региональном и местном уровнях обосновывалось необходимостью совершенствования демократических механизмов, усиления роли партий и укоренения партийной системы на территории всей страны, возрастания роли программно ориентированного голосования в избирательном процессе. На деле федеральную бюрократию гораздо более интересовало усиление собственной роли в формировании региональных и местных собраний. Ведь экспансия административного ресурса в электоральное пространство укрепляло в первую очередь позиции региональных властей — в силу их большей близости к избирателю. Пропорциональная же система позволяла федеральному центру влиять на составление списков кандидатов от «партии власти» — в противном случае региональные отделения «Единой России» (а в какой-то степени и оппозиционных партий) оставались бы под контролем местного чиновничества. Разумеется, ни о чем подобном никто из «промоутеров» пропорциональной системы открыто не заявлял.

Однако и региональные элиты, не будучи способными открыто противостоять давлению федерального центра и принимая навязываемые последним правила игры, тем не менее сумели в известной степени отстаивать свои интересы, используя, в частности, такую брешь в позиции верховной власти, как ее неготовность пойти на полный демонтаж многопартийности и на открытый отказ от принципа межпартийной конкуренции. Формальное признание этого принципа в качестве единственно легитимного оставляло пространство для политического маневра как для лояльных, так и оппозиционных игроков и создавала определенные препятствия для повсеместного укоренения

системы, основанной на доминировании «Единой России», — вплоть до местного уровня. Обстоятельства противостояния двух тенденций — стремления обеспечить «Единой России» доминирование на всех уровнях региональной и местной политики и признания необходимости сохранять минимальный уровень конкуренции — и будут рассмотрены в следующих параграфах.

Стратегии региональных игроков: «Приватизация» партий

До внедрения пропорциональной системы на выборах регионального и местного уровня региональные элиты формировали партийные системы в «своих» субъектах РФ фактически полностью по собственному усмотрению. Для институционального оформления своих внутренних расколов и противоречий использовались бренды как существующих федеральных партий, так и занимающих маргинальное положение (либо вовсе лишь формально зарегистрированных). Реализовывались и собственные партийные проекты; иногда реализация этих проектов даже выходила за рамки конкретного региона. В ряде случаев партийное строительство в России действительно осуществлялось «снизу» — не рядовыми активистами, конечно, но влиятельными региональными группировками, выходящими на федеральный уровень.

Наиболее значимыми региональными выборами во второй половине 1990 — начале 2000-х гг. в России стали выборы глав субъектов Федерации. Характерно, что на этих выборах партии вообще играли, как правило, второстепенную роль. Складывавшиеся же между ними коалиции (точнее, речь чаще всего шла о присоединении партийных структур к уже сформированным коалициям в качестве младших партнеров) могли быть и очень причудливыми по своему составу, совершенно не соответствующими линиям размежевания на федеральном уровне. Все зависело от того как были выстроены отношения у различных кандидатов с теми или иными партийными лидерами¹. На выборах в региональные legislatury, которые почти повсеместно в данный период проводились по мажоритарным округам², роль пар-

¹ Подробнее см. об этом: Ашихмина Я.Г. Выборы губернаторов в России: конкурентность и предсказуемость (1991–2005 гг.). Екатеринбург, 2010.

² Опыт проведения выборов по смешанной системе имелся в 9 регионах. С 1993 г. такая система применялась для выборов региональных законодательных собраний в Красноярском крае, Свердловской, Калининградской, Саратовской, Псковской областях, республиках Марий Эл, Тыва, Корякском АО, Усть-Ордынском Бурятском АО. Во всех этих случаях (за исключением Корякского АО) выборы проходили с использованием 5% барьера для до-

тий тоже была невелика. Большинство кандидатов, имевших шансы на победу, учитывая негативное отношение избирателей к институту партий, как таковому, предпочитали баллотироваться как «независимые» и самовыдвиженцы.

Таким образом, основным полем электоральной активности для партийных организаций на местах оставались федеральные парламентские выборы. Но и в этом случае региональные отделения были иногда настолько автономны от центрального партийного руководства, что полностью игнорировали его установки в рамках той или иной избирательной кампании. Например, в 1999 г. основатель и лидер Партии российского единства и согласия (ПРЕС) Сергей Шахрай принял решение выдвинуть свою кандидатуру в новый состав Государственной думы по одному из одномандатных округов Пермской области. Однако региональное отделение данной партии (принадлежащее к числу наиболее сильных из оставшихся на тот момент) не только отказало Шахраю в поддержке, но и оказало помощь одному из его соперников (в итоге и выигравшему выборы), соблюдая заключенные ранее договоренности с руководством региональных организаций движений «Наш дом — Россия» и «Вся Россия», а фактически с губернатором области Г.В. Игумновым.

С конца 1990-х гг. партийная система России стала приобретать более четкие и устойчивые очертания. Однако степень разбалансированности федеральной и региональных повесток дня, а также общей ситуации с политическими партиями на этих двух уровнях оставалась, по сути, прежней. При этом региональные игроки стали проявлять больше интереса к структурам федеральных партий на местах (к тому же их число в дальнейшем стало стремительно сокращаться). Отношение как элит, так и избирателей к партийным институтам к тому времени стало до крайней степени прагматическим. По существу, происходил процесс «приватизации» региональных отделений политических партий.

Под «приватизацией» в данном случае понимается не просто использование партийных площадок и брендов в электоральных целях (например, покупка мест в партийных списках, ставшая на региональном уровне актуальной после принятия в 2002 г. федерального закона № 67-ФЗ), но установление внешними местными игроками полного долговременного контроля над данной структурой. Такой контроль включает в себя занятие руководящих и ключевых аппаратных постов, доминирование предоставляемых ресурсов в организации дея-

пуска партийных списков к распределению мандатов. См.: Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. 2003. № 6. С. 79.

тельности отделения и выстраивания эффективных взаимоотношений с партийными лидерами на федеральном уровне.

В результате «хозяева» региональных отделений оказывались не внутри партийных структур, а над ними и относились к ним как к некоей собственности, которую вполне можно диверсифицировать (подробнее этот процесс будет рассмотрен в разделе 4 данной работы). Они могли также отказаться от данной собственности, подарить ее кому-либо или продать, в том числе в прямом смысле этого слова¹.

Неудивительно, что те или иные политические группы на федеральных выборах могли выступать под одними партийными знаменами, а на региональных совсем — под другими. То же самое касалось и случаев, когда региональные элитные группировки стремились завоевать позиции в других субъектах Федерации. Осуществляя экспансию в другой регион, «варяги», в зависимости от характера отношений с местной элитой, выбирали для себя подходящий и доступный партийный бренд. Ярким примером в данном плане является произошедшее в середине 2000-х гг. противостояние на политической арене Белгородской области. Его основой стал экономический конфликт между областными властями и холдингом «Интеко», принадлежащим членам семьи мэра Москвы Ю.М. Лужкова². Конфликт быстро перешел в политическую плоскость, и его кульминацией стало противостояние на выборах в областной парламент в 2005 г. При этом, поскольку региональное отделение «Единой России» оставалось подконтрольным главе региона и было основным проводником его кандидатов, ставленники Лужкова (одного из лидеров «пар-

¹ Региональные отделения партий могли даже превращаться в своеобразные бизнес-структуры, используемые для извлечения из политического процесса прямых финансовых доходов. Так, руководство одного из региональных отделений Российской партии пенсионеров, оставшись в начале 2000-х гг. без финансовых дотаций и будучи предоставлено само себе, поставило на поток выдвижение кандидатов на различных выборах. При этом оно постоянно вступало в переговоры с соперниками, предлагая снять своих выдвиженцев в их поддержку в обмен на то или иное финансовое вознаграждение (часть его доставалась несостоявшимся кандидатам). Есть основания считать, что этот бизнес приносил его организаторам неплохую прибыль. Через некоторое время, когда спрос на данное отделение возрос, его «хозяева» продали «контрольный пакет» более значимой группировке за несколько сотен тысяч рублей.

² Первоначально руководство Белгородской области, включая губернатора Евгения Савченко, поддерживало деятельность «Интеко» в регионе, однако, затем отношение к ней изменилось. См.: Говердовская О. Второе пришествие. Компания Батуриной перестала быть «серым кардиналом» // Компания. Деловой еженедельник. 24.10.2005. № 387.

тии власти» на федеральном уровне) выступили на Белгородчине под флагом ЛДПР. Выбор этого партийного бренда был не случаен, т. к. противостояние ЛДПР с руководством данного региона началось еще в 1999 г., когда В. Жириновский в качестве кандидата участвовал в выборах губернатора Белгородской области и с большим отрывом проиграл их Евгению Савченко. На этот раз противостояние также закончилось победой региональных властей: ЛДПР завоевала лишь два депутатских места в новом составе областной думы, одно из которых получила московская телеведущая Марина Малиновская.

«Собственник» отделения далеко не всегда становился «лицом» партии на региональном уровне, как правило, именно для того, чтобы сохранить себе определенную свободу действий. Когда же такое совмещение происходило, это зачастую оказывалось только во вред партии. На такой шаг шли в основном те лидеры, которые пытались компенсировать авторитетом партийной структуры недостаток собственного политического веса. Распространена была ситуация, когда партии, даже участвуя в местных выборах, основную ставку делали на использование образов федеральных политиков.

При этом необходимо напомнить, что представление о персонализированном характере голосования в России является общепринятым среди исследователей и экспертов. Партии как таковые не обладают собственной электоральной поддержкой. Хотя голосование за партийные лейблы и начинает носить устойчивый характер¹, однако это нельзя связывать с наличием у партий собственного идеологически ориентированного избирателя. Действительно, в 2007 г. новость о решении В. Путина, являвшегося на тот момент президентом РФ, возглавить список «Единой России» в течение месяца подняли число решивших голосовать за партию с 55 до 67% (по данным Левада-центра²). Однако фигура президента и ранее связывалась респондентами с «Единой Россией»³, поэтому значительная доля голосовавших за «Единую Россию» поддерживали в ее лице В. Путина.

Соответственно, на итогах избирательной кампании сказывается практика включения так называемых паровозов на ключевые позиции в партийных списках. Под «паровозом» понимается поли-

¹ Chaisty P. Party cohesion and policy-making in Russia // Party politics. Vol. 11. № 3. P. 299–318; Иванова М.В. Партии на региональных выборах // Свободная мысль. 2007. № 6. С. 37.

² Рейтинги партий за 2007 год в процентах от числа намеренных участвовать в голосовании. URL: <http://www.levada.ru/reitingi2007.html> (дата обращения: 12.06.2011).

³ О съезде «Единой России». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pol/pol_par/er/d074121 (дата обращения: 12.06.2011).

тик, возглавляющий партийный список или одну из его групп, чей личный рейтинг превышает рейтинг политической партии на территории, от которой список выдвигается. В России такие кандидаты часто отказываются от положенных им мандатов ради сохранения более значимых постов. Практика выдвигения в наиболее значимых частях списка партий кандидатов, которые не планируют занимать депутатские мандаты, приводит к тому, что депутатский корпус, по сути, состоит из политиков, не пользующихся доверием избирателей. Голосуя за партийный список, люди оказывают поддержку одним политикам, а в составе парламента получают других.

Закрепленные в российском избирательном законодательстве система конверсии голосов и система формирования списков, окончательно сложившиеся к думской компании 2007 г., ориентированы, прежде всего, на привлечение ресурсов для избирательной кампании «Единой России».

Одной из наиболее значимых новаций в избирательном законодательстве в 2007 г. стало предоставление партиям права формировать в избирательных списках региональные группы для тех субъектов РФ, где проживает не менее 3 млн избирателей. Общее число региональных групп должно было составлять не менее 80, а общее число кандидатов в списке не могло превышать 600 человек¹. При этом за политическими партиями оставлялось право формировать одну территориальную группу для регионов с более 1,3 млн избирателями². Эти новации изменили условия игры для ранее прописанной системы конверсии голосов.

Наличие даже небольшого числа территориальных групп в списке значительно снижает степень предсказуемости возможности получения мандата региональными политическими и бизнес-элитами, поскольку предполагает дополнительный уровень перераспределения мандатов внутри территориальных групп. Причем чем больше территориальных групп, тем сложнее прогнозировать, по какой из групп пройдет конкретный кандидат. Эта система предполагала рост зависимости получения или неполучения мандата от относительно не-

¹ ФЗ-51 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в редакции от 24.07.2007. Ст. 83.

² Правом определять границы групп внутри списка партии и на федеральных выборах, и региональных наделены избирательные комиссии. Общее число региональных групп в списках партий на выборах депутатов Государственной думы ФС РФ ограничивается федеральным законодательством. На выборах депутатов Государственной думы ФС РФ в 2007 г. число региональных групп списка партии должно было составлять не менее 80, в 2011 г. число региональных групп должно составлять не менее 70.

большого числа дополнительных голосов, увеличивая возможности воздействия на окончательные результаты выборов путем «вброса бюллетеней, искусственного повышения числа недействительных бюллетеней или агитации за неявку на избирательные участки. При большом числе региональных групп в партийных списках и системе конверсии голосов, увязывающей число проголосовавших за партию с возможностью получения мандата данной региональной группой, возникает ситуация, при которой гарантировать получение мандата может только доминирующая политическая партия. Таким образом, альтернативные «Единой России» политические партии не могли не только воспользоваться более высокой электоральной поддержкой на отдельных территориях, но и гарантировать получение мандата в какой бы то ни было из региональных групп в собственном списке. Безусловно, данное положение ограничило возможность «торговли мандатами» для всех политических партий, за исключением «Единой России».

«Несомненно, самый лучший для партии вариант, — отмечает К. Кынев, — когда потенциальный кандидат одновременно и выступает как ее спонсор, и имеет личный электоральный рейтинг, и при этом устраивает соответствующие власти. В большинстве же случаев выдвижение кандидатов — результат компромисса при решении трех названных задач»¹. Примечательно, что об идеологической близости, совпадении политических приоритетов и т. д., эксперт не упоминает вовсе. И это совершенно правильно, поскольку эти факторы играют очень малую роль (если играют вообще) не только при подборе кандидатов, но и при формировании руководящих органов региональных отделений. Другой вопрос, что определенные гарантии выдвижения и регистрации на выборах — это главный, а в ряде случаев единственный, ресурс, который российские партии могут предложить в настоящее время потенциальным партнерам по политическим коалициям.

В условиях «принудительной партизации» и постепенного роста политической активности мотивы голосования на региональных выборах становятся менее прагматическими, однако вытесняются не партийным соперничеством как таковым, а выражением отношения к действующей власти через голосование за или против «Единой России». В связи с этим необходимо более подробно проследить процесс превращения «Единой России» в «партию власти» на региональном уровне и выявить различия, дающие о себе знать в различных субъектах РФ.

¹ Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009. С. 25.

Региональные элиты и «Единая Россия»

Первоначально отношение региональных элит и глав субъектов Федерации к новой «партии власти» было неоднозначным.

«Единая Россия» была образована путем слияния двух структур, соперничавших на парламентских выборах 1999 г. — блоков «Единство» («Медведь») и «Отечество — вся Россия». При этом если в первой структуре (одержавшей победу и поэтому выступавшей при объединении в роли старшего партнера) сильные губернаторы фактически отсутствовали, то во второй они, напротив, играли ключевую роль. Речь идет о главах наиболее значимых субъектов Федерации — Москвы (Ю. Лужков), Санкт-Петербурга (В. Яковлев), Татарстана (М. Шаймиев), Башкортостана (М. Рахимов); всего же в блоке «Отечество — вся Россия» состояло более 20 региональных президентов и губернаторов. Таким образом, в новой «партии власти» изначально оказалось достаточно много глав регионов, стремящихся закрепить свою роль в рамках нового партийного формата.

С другой стороны, губернаторы ряда субъектов Федерации, в том числе таких крупных, как Свердловская и Пермская области, поначалу стремились сохранить независимость от федеральных партийных структур, тем более что «Единая Россия» была уже далеко не первой попыткой создания всеобъемлющей «партии власти».

После отмены губернаторских выборов эксперты отмечали активизацию деятельности как региональных администраций, так и бизнес-структур по установлению контроля над региональными отделениями «Единой России». Особенно это касалось субъектов Федерации, где предстояли выборы местных legislatur. «Вопрос о том, где найти сдержки и противовесы этой наметившейся тенденции к приватизации «партии власти» на местах остается пока открытым», — отмечал по этому поводу автор одной из статей¹. Дальнейшее развитие событий показало, что найти такие сдержки и противовесы не удалось, если это вообще было возможно. Руководство «Единой России» осознавало, что без опоры на региональные элиты в регионах оно не способно обеспечить необходимые партии электоральные результаты.

¹ Мигалин С. Приватизация партии власти на местах // Новая политика. Интернет-журнал. 06 октября 2004 г. URL: <http://www.novopol.ru/privatizatsiya-partii-vlasti-na-mestah-text587.html>

Интересно, что в том же году о создании системы сдержек и противовесов попыткам приватизации региональных отделений «Единой России» со стороны местных властей и бизнес-структур говорил и тогдашний секретарь генсовета партии Валерий Богомолов. См. его интервью «Независимой газете» (05.10.2004).

Формирование списков партии «Единая Россия» на региональных выборах демонстрировало стремление включать в списки партии наиболее влиятельных в регионе политиков. Более того, степень заинтересованности партии в губернаторах демонстрирует последовательный курс на включение их в ряды партии и внесение в списки на региональных выборах¹. Однако если на региональном и федеральном уровнях выборы по спискам позволяли «Единой России» формировать в региональных парламентах большинство, то на муниципальном уровне такой устойчивой тенденции не прослеживается до сих пор. Большинство фракций, сформированных «Единой Россией» в местных парламентах, базируется на влиянии представителей местного бизнеса, среднего менеджмента крупных компаний или местной бюрократии, включая руководителей местных правоохранительных структур или бюджетных учреждений. Иными словами, такое представительство партии мифично, поскольку является, как правило, только демонстрацией возможности влияния, а не влиянием самим по себе.

Оценив значимость новой партийной структуры, доказавшей свою устойчивость по сравнению с прежними «партиями власти», главы регионов, прежде дистанцировавшиеся от «Единой России», предприняли усилия поставить во главе отделений ЕР лояльные себе фигуры. К тому времени в ряде регионов структуры «Единой России» уже находились под контролем их политических конкурентов, и эти структуры приходилось «отвоевывать». Федеральный центр, как правило, принимал сторону губернаторов, поскольку ему удобнее было иметь дело с одним основным партнером в каждом регионе. Показателен в этом отношении процесс трансформации регионального отделения «партии власти» в Свердловской области, где оно первоначально оказалось подконтрольным мэру Екатеринбурга А. Чернецкому — основному оппоненту губернатора Э. Росселя. При этом стремясь сохранить баланс партийных сил в своих регионах, губернаторы, подобные Росселю, какое-то время пытались поддерживать более или менее благоприятный политический климат и для ряда других партийных структур, причем без санкции на то федерального центра.

По мере унификации и упрощения партийно-политического пространства России в результате, прежде всего, административных действий федерального центра региональным элитам становилось все труднее вписывать свои внутренние расколы в линии межпартийной

¹ Кынев А.В. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 33.

ко противостояния, институционализируя данные конфликты и решая их в публичном пространстве. Среди оставшихся на политической арене партий уже не было таких, которые давали бы представителям региональных элит механизмы продвижения и защиты, сравнимые с теми, которые были в распоряжении «Единой России». Последние иллюзии на этот счет были связаны со «Справедливой Россией», в которой некоторые, включая инициаторов этого проекта, вероятно, были готовы видеть вторую, альтернативную «партию власти».

Как минимум в двух субъектах Федерации, в которых в середине 2000-х гг. раскол элит приобрел наиболее глубокий характер, — в Туве и Ставропольском крае — жесткое противостояние «Единой России» и «Справедливой России», за которыми стояли различные группировки региональных элит, стало реальностью. Причем в Ставропольском крае список регионального отделения «Справедливой России», контролируемой мэром краевого центра Д. Кузьминым, одержал убедительную победу. Однако после того как и Кузьмин, и новые руководители краевого парламента стали фигурантами уголовных дел, иллюзии относительно перспектив «Справедливой России» как альтернативной «партии власти» развеялись вместе с возможностью институционализации внутриэлитных противоречий посредством межпартийного соперничества. Политическая борьба становилась все менее публичной. Не только федеральная власть, но и многие региональные руководители (часть из которых уже не имела успешного электорального опыта, а часть, как уже отмечалось, и раньше стремилась максимально ограничить конкуренцию на выборах) были настроены сделать результаты голосования максимально предсказуемыми.

Таким образом, с середины 2000-х гг., после отмены выборности глав субъектов Федерации и в условиях усиления давления со стороны федерального центра, результаты «партии власти» на региональных и особенно федеральных выборах стали рассматриваться как один из важнейших критериев оценки деятельности региональных лидеров и, соответственно, перспектив сохранения ими своих постов¹. И дело было не только в опасениях глав субъектов Федерации

¹ На самом деле, проведенный различными исследователями анализ свидетельствует, что строгой зависимости между сменой глав субъектов РФ и результатами голосования в регионах не было как после избирательного цикла 2003–2004 гг., так и после федеральных выборов 2007–2008 гг. Тем не менее суждения о том, что низкие результаты, показанные «партией власти» на выборах в том или ином регионе, должны по воле федерального центра негативно сказаться на судьбе главы региона, имели устойчивое хождение среди региональных элит, а также в СМИ и среди экспертного сообщества.

за свое политическое будущее. В условиях, когда предоставляемые центром ресурсы и возможности становились для регионов наиболее важными, демонстрация политической лояльности, в том числе в сфере партийного строительства и формирования региональных партийных систем, приобретала для властей и других основных акторов в субъектах РФ весьма существенное значение с точки зрения осуществления социальной и экономической политики.

Своего пика соревнование между региональными элитами за лучший результат «Единой России» достигло на выборах в Государственную думу в 2007 г. Тогда в некоторых республиках Северного Кавказа «партия власти» получила почти 100% голосов при приблизительно такой же их явке (в некоторых случаях она даже превысила сто процентов, что потом довольно неуклюже было объяснено участием в выборах первоначально не внесенных в списки беженцев).

Такое же соревнование развертывалось во многих субъектах РФ на уровне муниципалитетов. В шести районах Мордовии за списком «Единой России» было подано 99% голосов при 99% явке избирателей (общий результат «партии власти» по республике — 93,41% при явке 94,5%). Причем на региональном уровне такие результаты рассматривались как вполне реальные¹. После подведения итогов выборов появились сообщения о применении губернаторами санкций в отношении глав муниципалитетов, где «Единая Россия» получила относительно низкую долю голосов. Именно с этим связывали, например, отставку главы города Глазова, где «Единая Россия» на декабрьских выборах 2007 г. получила лишь 41% голосов².

Вполне можно предположить, что фантастические проценты, получаемые «партией власти» в ряде субъектов Федерации, не очень устраивали Кремль, поскольку дискредитировали итоги выборов в целом. Тем не менее федеральное руководство не могло сдержать инициативу и активность своих региональных вассалов, стимулированную им самим же созданными условиями. Нечто подобное наблюдалось, к примеру, на парламентских выборах 2007 г. в Казахстане, руководство которого, по мнению многих экспертов, вовсе не планировало формировать однопартийный парламент, в том числе в

¹ См.: Терешина Т. Мордовия отдала за «Единую Россию» 93,41% голосов. Госдуме ее будут представлять четыре депутата // Известия Мордовии. 04.12.2007. № 184 (23834). Статья опубликована на официальном сервере органов государственной власти Республики Мордовия (<http://old.e-mordovia.ru/main/week/detail.php?ID=2463>).

² См.: Принудрота над ошибками. Кто может пострадать за низкие показатели «Единой России» // Коммерсантъ. 05.12.2007. № 224 (3800). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/832719>

связи с предстоявшим председательствованием страны в ОБСЕ. Однако из-за рвения региональных и местных руководителей 7% барьер преодолела только «партия власти» «Нур Отан». В дальнейшем, чему есть достаточно много свидетельств, президентом Казахстана и его окружением рассматривался вопрос о досрочном роспуске однопартийного парламента, однако тогда этого все же не произошло. Из российских лидеров результаты парламентских выборов в Казахстане приветствовал лишь Борис Грызлов, увидевший в них образец, к которому следует стремиться и «Единой России» (казахстанские выборы состоялись на несколько месяцев раньше российских).

В настоящий момент региональные политические и бизнес-элиты вынуждены стремиться в списки «Единой России», поскольку только через них возможно гарантированно получить депутатские мандаты. Практика контроля за составлением избирательных списков со стороны федеральных партийных структур приводит к тому, что претендующие на мандаты представители региональных политических и бизнес элит получают менее приоритетные позиции. Исследование, проведенное на примере списков «Единой России» в период думской кампании 2007 г.¹, показало, что наиболее выгодные места — в начале региональных групп партийного списка — занимали представители федеральных политических элит. Среди представителей федеральной политической элиты, прошедших в Госдуму по списку ЕР, кандидаты занимали, как правило, второе место в региональных группах, в то время как представители бизнес-элит и региональных политических элит — четвертое.

В ходе выборов-2007 местную региональную группу избирательного списка «Единой России» часто возглавляли явные «паровозы», обладавшие необходимым электоральным рейтингом. Затем шла группа «федералов» и только затем представители региональной элиты. Кандидаты, получившие мандаты по спискам КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», за редким исключением занимали пер-

¹ При анализе за основу нами брались собственно списки политических партий, поданные в Центральную избирательную комиссию. В сведениях о кандидате в депутаты, согласно требованиям ЦИК, указывается место жительства и постоянной работы. Предположительно, все кандидаты, указавшие в сведениях о себе место работы и место жительства в регионе, соответствующем региональной группе списка, являются представителями региональных элит. Принадлежность к бизнес-элитам также устанавливалась по месту работы кандидатов. При этом если кандидат в депутаты указывал место работы в крупной региональной бизнес-структуре, он одновременно попадал в список, как представитель региональной элиты и, как представитель финансово-промышленной группы. При этом необходимо отметить, что анализировались непосредственно списки депутатов парламентских фракций.

вые места в своих региональных группах, тогда как из прошедших в Госдуму «единороссов» только 13 возглавляли свои региональные группы. За исключением главы Ярославской области А. Лисицына ни один из возглавивших региональные группы губернаторов не согласился стать депутатом нижней палаты федерального парламента¹. Есть основания полагать, что стратегия «Единой России» предполагала последовательное заключение соглашений с региональной исполнительной властью в ходе составления списков и распределения депутатских мандатов.

Система конверсии голосов, наряду с изменением порядка формирования партийных списков, дала «Единой России» дополнительные бонусы, став еще одним фактором, способствовавшим консолидации усилий региональных элит ради обеспечения «партии власти» максимально возможного электорального результата.

«Единая Россия» в региональной политике: вариации доминирования

Одной из целей внедрения пропорциональной системы на региональных и местных выборах являлось банальное обеспечение доминирования «Единой России» в представительных собраниях соответствующего уровня. В целом данная задача была выполнена, однако не везде с одинаковым успехом. Выявить, насколько эти успехи различались от региона к региону, как они с результатами «партии власти» на федеральном уровне и какие факторы оказывают при этом решающее влияние, поможет кросс-региональный сравнительный анализ.

Оптимальным эмпирическим материалом для такого сравнения являются результаты выборов в региональные парламенты. В соответствии с федеральным законодательством не менее половины депутатов региональных парламентов должны избираться по партийным спискам с использованием пропорциональной электоральной формулы. Как избирать остальных депутатов, субъекты РФ определяют самостоятельно, и в подавляющем большинстве регионов используется смешанная система: часть депутатов (обычно половина) избирается по мажоритарному принципу, как правило, в одномандатных округах. В этих случаях избиратели голосуют одновременно за партийные списки (обычно в масштабах всего региона) и за отдельных кандидатов, ведущих борьбу в конкретных округах. Первое голосова-

¹ Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва, выдвинутый Всероссийской политической партией «Единая Россия». URL: <http://cikrf.ru/postancik/Zp07p285.doc> (дата обращения: 26.03.2009).

ние является по большому счету индикатором отношения к «Единой России» в регионе, а его итоги оказываются своего рода рейтингом доверия к «партии власти». Это объясняет, почему результаты этих выборов оказываются под достаточно жестким контролем центра. «Сверху» устанавливаются своего рода «планы» по доле голосов, которые должна получить «Единая Россия», а губернаторы и главы муниципальных образований несут персональную ответственность за результат. В каких-то случаях, вероятно, можно даже говорить о «соревновании»: какой регион обеспечит «партии власти» более высокий процент голосов. Таким образом, голосование по партийным спискам выходит за рамки региональной политики и, по сути, является событием федерального значения.

Поэтому более точным индикатором степени доминирования «Единой России» следует считать результаты выборов не по партийным спискам, а в одномандатных округах. Разумеется, центр не безразличен к этим выборам. Однако округов слишком много, и уделить каждому пристальное внимание не получается. Распределение голосов избирателей на выборах по мажоритарному принципу большого значения для центра не имеет, в связи с чем оно значительно лучше отражает региональную специфику. Именно здесь плетутся региональные интриги и создаются региональные коалиции, дают о себе знать персональные симпатии и антипатии. По этой причине за основу были взяты результаты выборов в региональные парламенты именно по одномандатным округам, тогда как итоги выборов по партийным спискам рассматриваются лишь как вспомогательные.

Предметом сравнительного анализа стали результаты выборов, прошедших в 2008–2011 гг. Такое временное ограничение призвано элиминировать значение общероссийского политического контекста. Полностью устранить его, разумеется, невозможно, однако очевидно, что общероссийская политическая ситуация в указанный период существенно отличается от той, что имела место в 2003–2007 гг., поскольку с точки зрения конфигурации партийной системы рубежное значение имели федеральные выборы 2007–2008 гг. Именно тогда «Единая Россия» добилась триумфального успеха на думских выборах, который стал своего рода ориентиром и в региональных кампаниях. Кроме того, до 2007 г. набор главных участников партийно-политической игры был иным, и сравнивать выборы в региональные парламенты на более длительном отрезке времени не вполне корректно. В частности, как уже отмечалось, «Справедливая Россия» некоторое время рассматривалась как вероятная «вторая партия власти», и только накануне декабрьских выборов 2007 г. Кремль отказался от этого проекта и в дальнейшем к нему больше не возвращался. В свою очередь, на протяжении 2008–2011 гг. каких-то кардинальных

изменений в конфигурации партийных сил не происходило, а новые партийные проекты (например, «Правое дело») оказывали на политическую жизнь весьма ограниченное влияние.

С марта 2008 по март 2011 г. прошли выборы в региональные парламенты 53 субъектов РФ. В Свердловской области они прошли дважды — в 2008 и 2010 гг. Здесь до сих пор сохранился двухпалатный региональный парламент. Палата представителей (21 депутат) избирается по мажоритарной системе на 4 года, а Областная дума (14 депутатов) — по пропорциональной, причем каждые два года проходят пере выборы половины депутатов. Поскольку нас интересуют выборы по одномандатным округам, применительно к Свердловской области мы рассматривали только выборы 2008 г. Кроме того, из массива были исключены 9 регионов, где используется только пропорциональная система: Амурская, Калужская и Тульская области, Ингушетия, Калмыкия, Чечня, Дагестан, Кабардино-Балкария, Ненецкий АО. Наконец, в выборку не вошел Чукотский АО, поскольку выборы по мажоритарной системе проходили здесь не в одномандатных, а в трехмандатных округах.

Таким образом, исследование проводилось на основе 43 избирательных кампаний, анализу были подвергнуты 1027 одномандатных округов¹. Степень доминирования «Единой России» (точнее, выдвинутых ею кандидатов) определялась поначалу в каждом округе. Для измерения этого показателя был разработан «индекс доминирования». В зависимости от доли голосов, полученных кандидатом «Единой России», ему присваивалось значение от «1» до «4». В качестве случаев «максимального доминирования» (индекс = 4) рассматривались те из них, когда кандидат «Единой России» набирал более 60% голосов, а в тех округах, где наблюдалась высокая фрагментация (сразу несколько кандидатов получали более 10% голосов) — более 50%. В случае, если кандидат от «Единой России» выигрывал выборы явно конкурентной борьбе (набирая менее 50% голосов избирателей

¹ В нескольких регионах наряду с одномандатными создавались также многомандатные округа, но они были исключены из исследования. На выборах Законодательного собрания Кировской области в марте 2011 г. в одном из округов выборы были признаны несостоявшимися, он соответственно также исключен из анализа.

² Следует оговориться, что и в случае доминирования кандидата «Единой России» выборы могли быть вполне конкурентными. Однако мы не ставили своей задачей определить степень конкурентности выборов в каждом округе. Индекс доминирования опирается на результат, а не характеристику избирательного процесса, хотя, если рассматривать не отдельные выборы, а большой массив данных, высокое значение индекса доминирования указывает, как правило, на низкую степень конкурентности выборов.

а в случае поляризации голосования между двумя кандидатами — менее 60%), индексу присваивалось значение «3». Когда кандидат «Единой России» терпел поражение, значение индекса составляло «2». Наконец, в тех округах, где «Единая Россия» не выдвигала кандидата, индексу присваивалось значение «1».

Последний вариант, однако, требует уточнений. Дело в том, что возможна ситуация, когда «Единая Россия» официально не имеет своего кандидата, но неофициально поддерживает одного из самовыдвиженцев. Причины этому могут быть самые разные, в том числе и сугубо «технические» (например, проблемы с предоставлением документов на кандидата в избирательную комиссию). Таких случаев не очень много: из 1027 округов в 977 имелся кандидат, официально выдвинутый «Единой Россией», т. е. партией не были «закрыты» лишь 50 округов и лишь в четырех субъектах РФ их доля в общем количестве одномандатных округов превысила 90% (см. табл. 1). Судя по всему, это можно рассматривать как относительно новую тенденцию, поскольку именно после выборов 2007 г. «партии власти» стало просто «неприлично» не выдвигать кандидатов на выборные должности.

Если «Единая Россия» не выдвигала своего кандидата, индексу доминирования присваивалось значение «1» лишь в тех случаях, когда победу одерживал кандидат от другой партии. Таких случаев всего 5: в Ивановской и Оренбургской областях по одному кандидату провела КПРФ, в Алтайском крае — АПР, а в Архангельской дважды победили кандидаты от «Справедливой России».

В остальных 45 случаях побеждали самовыдвиженцы, применительно к которым необходимо выяснить, не пользовались ли они неофициальной поддержкой со стороны «Единой России». Достаточным основанием для такого предположения представляется факт вступления данных депутатов во фракцию «Единая Россия». Дополнительные изыскания показали, что это имело место в подавляющем большинстве случаев. Исключений немного: в Адыгее депутат-самовыдвиженец остался независимым, один из трех самовыдвиженцев — депутатов якутского парламента вступил во фракцию «Согласие», а не в «Единую Россию». То же самое произошло в Татарстане: 1 из 3 вступил во фракцию ТНВ (близкую, впрочем, к «Единой России»). Несколько более сложная картина сложилась в Карачаево-Черкесии, где таких депутатов оказалось 11: шесть из них вступили во фракцию «Единая Россия», двое — в «Справедливую Россию», а один остался независимым¹. Именно эти 6 «исключений» мы рассматривали как случаи, аналогичные 5 победам партийных депутатов. Таким образом, в 11 из 50 округов, где «Единая Россия» не

¹ Судьбу еще одного выяснить не удалось.

Результаты кандидатов «Единой России» в одномандатных округах
(отсортировано по доле «закрытых» единороссами округов)

СФ	Дата	Кол-во одномандат. округов	Кол-во кандидатов ЕР	Доля от кол-ва округов	Кол-во побед кандидатов ЕР	Доля от кол-ва округов
1. Белгородская область	2010.10	17	17	1,0000	17	1,0000
2. Брянская область	2009.03	30	30	1,0000	28	0,9333
3. Владимирская область	2009.03	19	19	1,0000	16	0,8421
4. Волгоградская область	2009.03	16	16	1,0000	15	0,9375
5. Воронежская область	2010.03	28	28	1,0000	28	1,0000
6. Калининградская область	2011.03	20	20	1,0000	15	0,7500
7. Кемеровская область	2008.10	18	18	1,0000	18	1,0000
8. Кировская область	2011.03	26	26	1,0000	17	0,6538
9. Коми	2011.03	15	15	1,0000	15	1,0000
10. Костромская область	2010.10	18	18	1,0000	16	0,8889
11. Курганская область	2010.03	17	17	1,0000	14	0,8235
12. Курская область	2011.03	22	22	1,0000	21	0,9545
13. Магаданская область	2010.10	10	10	1,0000	10	1,0000

14. Мари Эл	2009.10	26	26	1,0000	25	0,9615
15. Москва	2009.10	17	17	1,0000	17	1,0000
16. Нижегородская область	2011.03	25	25	1,0000	20	0,8000
17. Ростовская область	2008.03	25	25	1,0000	25	1,0000
18. Рязанская область	2010.03	18	18	1,0000	15	0,8333
19. Сахалинская область	2008.10	14	14	1,0000	12	0,8571
20. Свердловская область	2008.03	21	21	1,0000	21	1,0000
21. Тамбовская область	2011.03	25	25	1,0000	23	0,9200
22. Тверская область	2011.03	20	20	1,0000	17	0,8500
23. Ульяновская область	2008.03	15	15	1,0000	14	0,9333
24. ХМАО	2011.03	14	14	1,0000	14	1,0000
25. Челябинская область	2010.10	30	30	1,0000	30	1,0000
26. ЯНАО	2010.03	11	11	1,0000	11	1,0000
27. Адыгея	2011.03	27	26	0,9630	24	0,8889
28. Оренбургская область	2011.03	23	22	0,9565	21	0,9130
29. Иркутская область	2008.10	21	20	0,9524	15	0,7143

Окончание табл. 1

СФ	Дата	Кол-во одномандат. округов	Кол-во кандидатов ЕР	Доля от кол-ва округов	Кол-во побед кандидатов ЕР	Доля от кол-ва округов
30. Алтай	2010.03	20	19	0,9500	13	0,6500
31. Забайкальский край	2008.10	20	19	0,9500	15	0,7500
32. Новосибирская область	2010.10	38	36	0,9474	30	0,7895
33. Хакасия	2009.03	37	35	0,9459	31	0,8378
34. Татарстан	2009.03	50	47	0,9400	45	0,9000
35. Тыва	2010.10	16	15	0,9375	15	0,9375
36. Башкортостан	2008.03	60	56	0,9333	55	0,9167
37. Хабаровский край	2010.03	13	12	0,9231	12	0,9231
38. Ярославская область	2008.03	25	23	0,9200	16	0,6400
39. Алтайский край	2008.03	34	31	0,9118	20	0,5882
40. Якутия	2008.03	35	31	0,8857	16	0,4571
41. Архангельская область	2009.03	31	26	0,8387	21	0,6774
42. Ивановская область	2008.03	24	17	0,7083	16	0,6667
43. Карачаево-Черкесия	2009.03	36	25	0,6944	20	0,5556

Источник: Бюро статистики ЦСР. URL: <http://www.csr.gov.ru>

имела кандидатов, индексу доминирования присваивалось значение «1». Что касается остальных 39 случаев, то здесь, с одной стороны, победили самовыдвиженцы, которые впоследствии вошли во фракцию «Единая Россия», но, с другой стороны, в каждом конкретном случае трудно определить, насколько правомерно рассматривать их как фактических кандидатов от «Единой России». Поэтому учитывая немногочисленность этих округов, мы просто не стали исключать их из исследования.

Нельзя не отметить, что зачастую во фракцию «Единая Россия» вступают и депутаты-самовыдвиженцы, победившие на выборах кандидата от партии власти. Очевидно, в некоторых случаях эта победа могла быть «запланированной», т. е. «партия власти» заранее «сдавала» этот округ, но по каким-либо причинам выставляла в нем своего кандидата. Тем не менее поскольку нас интересует доминирование «Единой России» именно как партии, мы интерпретировали подобные случаи как поражение и присваивали индексу доминирования значение «2».

Таким образом, каждому одномандатному округу было присвоено соответствующее значение индекса доминирования, а затем для каждого из 43 субъектов РФ был рассчитан агрегированный индекс путем деления суммы индексов во всех округах на их количество (за вычетом тех округов, где победили самовыдвиженцы, вступившие затем во фракцию «Единой России»). Значение агрегированного индекса доминирования (наряду с некоторыми другими параметрами, которые ниже будут использованы в регрессионном анализе) представлены в табл. 2.

Разумеется, каждые выборы имеют свою специфику, уникальный контекст: существенное воздействие на выдвижение кандидатов, избирательную кампанию и результаты выборов оказывают текущая ситуация и расстановка сил, различные нюансы, связанные с персональной мотивацией политических акторов, личными пристрастиями и взаимоотношениями между участниками процесса. Все эти нюансы можно учесть, лишь используя качественные методы вроде case-studies. Во многих случаях, однако, этот метод неприменим. Полагаясь исключительно на количественный анализ результатов выборов, мы, несомненно, жертвуем значительным объемом информации и теряем возможность учесть все нюансы конкретной избирательной кампании, но при этом получаем общую картину, позволяющую оценить степень доминирования «Единой России» в кросс-региональном аспекте.

Произведенные расчеты показывают, что агрегированное значение индекса по регионам колеблется между 2,7188 и 4,000, а в среднем составляет 3,3444. Это можно интерпретировать так, что в целом вы-

Параметры регионов для регрессионного анализа

№ п/п	Индекс доминирования	Доля ЕР по проп. системе	ВРП на ДН (2008 г., руб.)	Доля рус. населения (2002)	Доля гор. населения (2009)	Доля голосов за Медведева (2008)
1. Адыгея	3,3704	0,5804	84249,6	64,5	52,7	69,77
2. Алтай	2,8421	0,4443	90230,8	57,4	26,6	73,82
3. Алтайский край	2,8125	0,5344	107423,8	92,0	53,4	60,35
4. Архангельская область	3,1071	0,5185	235297,4	94,2	73,7	66,98
5. Башкортостан	3,8929	0,8577	184828,4	36,3	59,9	88,01
6. Белгородская область	3,8235	0,6620	209624,4	92,9	66,5	68,96
7. Брянская область	3,3333	0,5389	97401,3	96,3	68,6	61,82
8. Владимирская область	3,1053	0,5127	122009,6	94,7	77,7	64,05
9. Волгоградская область	3,3125	0,4945	165811,7	88,9	75,5	62,27
10. Воронежская область	3,5714	0,6255	127162,4	94,1	63,5	66,27
11. Забайкальский край	3,0526	0,5481	126000,6	89,8	63,9	65,81
12. Ивановская область	3,0000	0,6030	79978,8	93,7	80,7	64,92
13. Иркутская область	3,2000	0,5072	182199,4	89,9	78,8	61,24
14. Калининградская область	2,9500	0,4078	193855,0	82,4	76,4	62,09

15. Карачаево-Черкесия	3,1034	0,6961	82510,0	33,6	43,4	90,35
16. Кемеровская область	4,0000	0,8479	204039,6	91,9	84,9	70,51
17. Кировская область	2,7692	0,3669	107220,1	90,8	72,3	76,29
18. Коми	3,2667	0,5053	306859,4	59,6	76,0	71,74
19. Костромская область	3,1667	0,5002	116739,0	95,6	68,6	62,44
20. Курганская область	3,3529	0,4123	111277,4	91,5	56,9	64,93
21. Курская область	3,5000	0,4475	144951,8	95,9	64,7	64,27
22. Магаданская область	3,6000	0,5002	255169,0	80,2	95,6	63,07
23. Марий Эл	3,6154	0,6455	96056,7	47,5	63,5	77,22
24. Москва	3,8235	0,6625	804718,1	84,8	100,0	71,52
25. Нижегородская область	3,0000	0,4298	178490,5	95,0	79,0	61,84
26. Новосибирская область	3,1111	0,4482	174424,2	93,0	75,7	61,90
27. Оренбургская область	3,0435	0,4154	200941,5	73,9	57,4	60,81
28. Ростовская область	3,8800	0,7188	135680,2	89,3	66,9	76,94
29. Рязанская область	3,3333	0,5058	128934,5	94,6	70,3	60,82
30. Сахалинская область	3,1429	0,5527	650259,2	84,3	78,3	63,52
31. Свердловская область	3,8095	0,5843	214875,8	89,2	83,4	68,98

Окончание табл. 2

№ п/п	Индекс доминирования	Доля ЕР по проп. системе	ВРП на ДН (2008 г., руб.)	Доля рус. населения (2002)	Доля гор. населения (2009)	Доля голосов за Медведева (2008)
32. Тамбовская область	3,6800	0,6510	111870,2	96,5	58,0	72,51
33. Татарстан	3,8542	0,7931	245162,2	39,5	75,0	79,24
34. Тверская область	3,1000	0,3979	143291,9	92,5	74,5	67,57
35. Тыва	3,8667	0,7741	78039,1	20,1	51,5	89,32
36. Ульяновская область	3,5333	0,5887	115493,0	72,6	73,0	66,93
37. Хабаровский край	3,0000	0,4793	194760,7	89,8	80,5	64,12
38. Хакасия	3,3714	0,5733	137801,2	80,3	68,2	60,47
39. ХМАО	3,2857	0,4407	н/д	66,1	91,6	66,68
40. Челябинская область	3,7333	0,5573	189458,6	82,3	81,3	65,63
41. Якутия	2,7188	0,5180	320838,1	41,2	65,5	67,78
42. ЯНАО	3,8182	0,6476	н/д	58,8	84,9	83,86
43. Ярославская область	2,9565	0,5002	167552,1	95,2	81,8	63,58

Примечание: Данные для автономных округов ВРП на ДН в официальной статистике отсутствуют, т. к. они рассчитываются вместе с «материнским» субъектом РФ.

Источники: База данных Центральной избирательной комиссии РФ. URL: <http://www.izbirkom.ru/izbirkom.html>

Регионы России: Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. М.: Росстат, 2010; Сайт «Всероссийская перепись населения 2002 г.» (<http://www.peris2002.ru/index.html?rd=17>)

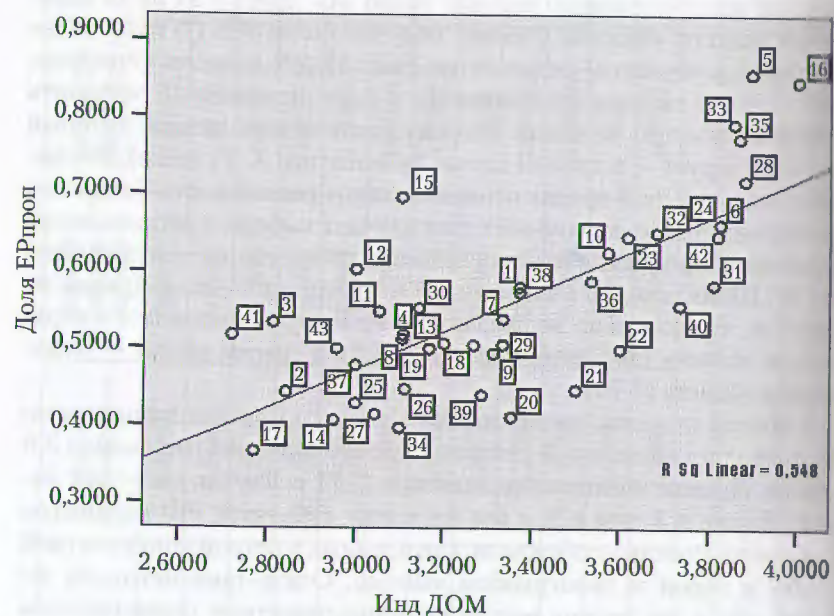
двинутые «Единой Россией» кандидаты побеждают. И действительно — из 1027 округов «единороссы» выиграли в 859. Среднее значение индекса тем не менее несколько ближе к «3» (победа в конкурентной борьбе), чем к «4», что отражало бы безраздельное доминирование.

На фоне средних показателей кросс-региональные различия оказываются весьма существенными. С одной стороны, выделяется группа из 9 регионов, где индекс доминирования превышает 3,75. Разумеется, и на вполне демократических и конкурентных парламентских выборах, проводимых по мажоритарному принципу, можно обнаружить избирательные округа, где один из кандидатов явно сильнее других, однако это скорее исключение из правила. В данной же группе регионов получается, что кандидаты «Единой России» безусловно доминировали более чем в трех четвертях одномандатных округов. В этом случае есть все основания говорить о гегемонии «Единой России». Особенно показательна Кемеровская область, где значение агрегированного индекса равно «4». Здесь в 14 из 18 округов кандидат от «Единой России» получил более 80% (!) голосов избирателей, а «худшим» результатом было 67,48% голосов. Очевидно, в этом случае выборы превращаются в фарс, призванный оформить полное господство «Единой России» (точнее того актора, который ее контролирует — в данном случае губернатора А. Тулеева). Неудивительно, что к этой группе относятся такие регионы, как Татарстан, Башкортостан, Москва (во всех трех случаях выборы в региональные парламенты проходили еще при прежних губернаторах — «тяжеловесах» М. Шаймиеве, М. Рахимове и Ю. Лужкове). Нельзя, правда, не отметить, что довольно неожиданно в этой группе оказалась Свердловская область (значение индекса — 3,8), а совсем рядом — Челябинская область (3,73).

С другой стороны, расчет агрегированного индекса доминирования позволяет выделить 9 регионов, где его значение составляло 3 и меньше. Правда, наименьшее значение (2,71 в Якутии) все-таки намного ближе к 3, чем к 2, и все же в этих субъектах РФ кандидаты от «Единой России» побеждали, как правило, в острой конкурентной борьбе, а порой и проигрывали выборы. Опять-таки нетрудно заметить, что в эту группу вошли регионы, известные ограниченным политическим плюрализмом. В Алтайском крае, например, еще в 1990-е гг. сложились относительно сильные политические партии. В 2000-е гг. эта традиция сохранилась: в марте 2010 г. здесь весьма успешно выступила «Справедливая Россия», кандидаты которой в 6 округах победили «единороссов»; еще в 5 победу над кандидатами партии власти одержали самовыдвиженцы. Больше поражений в одномандатных округах «Единая Россия» потерпела только в Якутии — 15, но здесь лишь 4 кандидата были партийными.

В остальных 25 регионах значение агрегированного индекса составило более 3, но меньше 3,75, тем не менее есть 10 субъектов РФ, где он значительно ближе к 3, что также свидетельствует о достаточно острой конкуренции на выборах в одномандатных округах.

В некоторых случаях значение индекса доминирования оказалось довольно неожиданным. Для объяснения этого представляется полезным привлечь результаты выборов по партийным спискам (см. таблицу 2). В целом нельзя не отметить высокую корреляцию между индексом доминирования и голосованием за «Единую Россию» по партийным спискам — 0,74. Это говорит о том, что доминирование «Единой России» дает о себе знать при голосовании и по пропорциональной, и по мажоритарной системе. Однако встречаются и явные девиации, хорошо заметные на графике (нумерация случаев совпадает с номерами регионов в таблице 2).

Девиации можно разделить на две категории. Первая касается регионов, где результаты «Единой России» по партийным спискам существенно выше, нежели в одномандатных округах (на графике эти регионы располагаются в правой части над регрессионной линией). Здесь мы обнаруживаем Карачаево-Черкесию (15), Ивановскую область (12), Алтайский край (3), Якутию (41), Забайкальский край (11). Как представляется, разрыв между слабым доминированием «Единой России» в одномандатных округах и высокими результатами

ми по партийным спискам объясняется именно тем, что, как говорилось выше, успех партии на выборах по пропорциональной системе имеет не сугубо региональное, а федеральное значение, в связи с чем руководство субъекта РФ прилагает особые усилия для достижения желаемых показателей.

Вторая группа девиаций — противоположного свойства: результаты «Единой России» по партийным спискам существенно ниже, чем степень доминирования в одномандатных округах (на графике эти регионы располагаются в левой части под регрессионной линией). К этой категории относятся Свердловская (31), Челябинская (40), Курская (21) и Магаданская области (22). Будучи способной обеспечить доминирование своих кандидатов в одномандатных округах, «партия власти» вместе с тем не может добиться высокого результата при голосовании по партийным спискам. Причина такой, казалось бы, странной ситуации заключается в том, что высокое значение индекса доминирования в этих регионах объясняется не господством какого-то одного актора, а эффективностью процесса согласования кандидатов между различными элитными группами. В этом плане привлечение в качестве дополнительных данных результатов голосования по партийным спискам позволяет внести существенные уточнения и объяснить те случаи, когда высокий индекс доминирования выглядит неожиданным.

Таким образом, следует отдельно выделять случаи, где наблюдается гегемония одного актора (Кемеровская область, Татарстан, Башкортостан), который настолько плотно контролирует политический процесс в регионе, что способен обеспечить «Единой России» и ее кандидатам любые результаты, даже «за гранью разумного». Так, в Башкортостане «партия власти» получила 85,77% голосов, в Кемеровской области — 84,79%. В Свердловской и Челябинской областях иная ситуация. Здесь доминирование кандидатов-«единороссов» в одномандатных округах объясняется не гегемонией какого-то одного актора, а эффективной работой по согласованию кандидатов на площадке «Единой России».

В каждом отдельном случае степень доминирования кандидатов от «Единой России» определяется констелляцией самых разных факторов, но попытаемся проверить, имеют ли какое-то значение некоторые «структурные» характеристики субъектов РФ. Во-первых, уровень экономического развития — в данной сфере наблюдаются весьма существенные кросс-региональные различия. В качестве индикатора использован показатель объема валового регионального продукта на душу населения (ВРП ДН). Во-вторых, такие социальные характеристики, как доля городского населения (Доля ГОР) и доля русского населения (доля РУС). Для выявления ВРП на душу

населения и доли городского населения были использованы данные официальной статистики. Правда, последний статистический ежегодник ФСГС РФ (2010 г.) содержит данные по ВРП за 2008 г., а по доле городского населения — за 2009 г. Однако, как представляется, произошедшими с тех пор изменениями можно пренебречь в силу их несущественности. Значительно хуже ситуация с определением доли русского населения. Поскольку результаты последней переписи 2010 г. по этому параметру недоступны, пришлось использовать данные переписи 2002 г.

Кроме социально-экономических характеристик, в анализ были включены результаты голосования на последних президентских выборах 2008 г. за кандидата от «партии власти» Дмитрия Медведева (Доля МЕД). Эти выборы не без оснований квалифицируют как «операцию «Преемник»». В условиях, когда популярный лидер В. Путин не стал вносить поправки в Конституцию и баллотироваться на третий срок, выдвинув малоизвестного политика, голосование на выборах превратилось в плебисцит по поводу доверия даже не столько Путину (и уж тем более не Медведеву), сколько сложившейся системе власти в целом. По сути, эти выборы были индикатором того, насколько население (или, скорее, элиты) лояльны этой системе и готовы ради ее воспроизводства действовать консолидированно. Известно, что голосование на этих выборах было в значительной мере мобилизационным, и мобилизацию избирателей по требованию «сверху» производили именно региональные (а вслед за ними и местные) элиты. Все это дает основание полагать, что голосование за Медведева является косвенным показателем социально-психологических особенностей региональных элит, а именно степени их конформизма, готовности следовать господствующей тенденции, подчиняться указаниям «сверху».

Таким образом, мы имеем четыре независимых и одну зависимую переменные (их значения см. в таблице 2). Результаты регрессионного анализа (а также коэффициенты корреляции между индексом доминирования и независимыми переменными) представлены в табл. 3.

Анализ показывает, что из четырех коэффициентов корреляции статистически значим лишь один (между индексом доминирования и голосованием за Медведева). На первый взгляд, это идет вразрез со сложившимися представлениями о том, что «Единая Россия» получает больше голосов в экономически менее развитых, слабо урбанизированных регионах, особенно в национальных республиках, где население в большей мере подвержено административному давлению. Следует, однако, учитывать, что в нашем случае речь идет о голосовании не за «Единую Россию», а за ее кандидатов, что далеко

не одно и то же, т. к. для многих избирателей партийная принадлежность кандидатов не имеет существенного значения. Кроме того, как уже отмечалось, выборы в одномандатных округах менее подвержены административному контролю, нежели голосование по партийным спискам. В этом плане полученные коэффициенты оказываются дополнительным аргументом в пользу выборов в одномандатных округах как данных для исследования.

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции между индексом доминирования и независимыми переменными и коэффициентами множественной регрессии (в скобках — статистическая значимость)

	Независимые переменные			
	ВРП ДН	Доля РУС	Доля ГОР	Доля МЕД
Коэффициенты корреляции	0,134 (0,403)	-0,199 (0,202)	0,198 (0,203)	0,441(**) (-0,003)
Коэффициенты регрессии (стандартизованные Бета-коэффициенты)	-0,013 (0,940)	0,181 (0,421)	0,373 (0,052)	0,685 (0,003)

Примечание: Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).
R = 0,558; R Square = 0,312.

Факторы, определяющие роль «Единой России» как политического инструмента в субъектах РФ, можно выявить также путем сравнения партийного состава региональных легислатур, складывающегося по итогам выборов как по партийным спискам (с учетом возможного отстранения тех или иных региональных отделений от участия в выборах), так и по одномандатным округам, а также в результате перехода депутатов из фракции во фракцию и присоединения самовыдвиженцев к тем или иным партийным структурам. В данном случае учитываются также последствия выбора руководством региона той или иной избирательной системы, включая реализацию возможности полного отказа от выборов по мажоритарным округам, предоставляемой федеральным законодательством.

На рубеже 2000–2010 гг. не было ни одного субъекта РФ, в законодательном собрании которого состояли бы только депутаты от одной партии. Но в парламентах ряда регионов представлены лишь две партии, причем одна фактически номинально — с незначительным числом депутатов в сравнении с фракцией «Единая Россия». К этой группе следует отнести Башкортостан, Калмыкию, Марий

Эл, Татарстан, Тыву и Чечню, Кемеровскую, Омскую и Ростовскую области, а также Москву, где количество депутатов-«единороссов» не менее чем в три раза превосходит число представителей второй партии. При всей несхожести данных регионов, можно легко выделить две сближающие их особенности. Во-первых, в этой группе непропорционально велика доля автономий, некогда созданных по национальному признаку и, что немаловажно, имеющих в советские времена самый высокий — республиканский — статус. Во-вторых, в подавляющем большинстве данных регионов (за исключением Марий Эл и Тувы, случай которой будет рассмотрен отдельно) во второй половине 2000-х гг., когда проходили выборы нынешнего состава региональных legislатур, у власти длительный период времени находились влиятельные и в той или иной степени авторитарно настроенные главы¹.

Именно вторая характеристика является наиболее существенной. Национальные особенности и особый статус автономии, имевшие существенное значение в ходе политических потрясений первой половины 1990-х гг. (а в отношении Чечни и в последующем) способствовали установлению в ряде субъектов Федерации авторитарных региональных режимов, сплотившихся вокруг харизматических лидеров. Однако в некоторых случаях становление подобных режимов произошло и в регионах совсем иного типа. Система абсолютного доминирования «партии власти» наиболее удобна для стоящих во главе этих режимов лидеров, поскольку дает им контроль над представительным органом. Ресурсы, используемые для обеспечения такого доминирования, разнообразны — это и личный авторитет главы региона, и находящиеся в его распоряжении экономические рычаги, и административное воздействие на политических оппонентов (в том числе с использованием силовых структур), и, наконец, манипулирование действиями избиркомов, вплоть до прямой фальсификации результатов выборов. Само собой разумеется, что таким широким набором ресурсов располагают только главы регионов рассматриваемого типа.

Не в последнюю очередь за счет этой группы субъектов РФ многие из них принадлежат к числу наиболее населенных, обеспечивались внушительные результаты «партии власти» на федеральных выборах в середине и второй половине 2000-х гг. Тем не менее на

¹ Данный список, кстати, может быть дополнен Мордовией, в парламенте которой представлены три партии. Однако КПРФ принадлежит всего два депутатских места, «Справедливой России» — одно, в то время как «Единой России» — 44. Данный регион подходит как под первую, так и под вторую характеристики.

думских выборах 2007 г. итоги «Единой России» различались и в этой группе. В Башкортостане, Татарстане, Туве, Чечне (знаменитые 99,36% при почти 100% явке), Кемеровской области результаты голосования за партию власти значительно — на 10 и более пунктов — превышали общероссийские показатели. В Калмыкии и Ростовской области разрыв был не столь значителен. В Марий Эл показатели «Единой России» были фактически на уровне общероссийских, а в Омской области и в Москве — даже ниже. При этом в ряде других субъектов федерации, где «Единая Россия» не имела такого влияния в региональных legislатурах, ее результаты на выборах 2007 г. были значительно выше общероссийских, а в ряде республик Северного Кавказа близки к чеченским. Эти несоответствия объясняются не только различным восприятием избирателями (а также элитами) повестки дня на федеральном и региональном уровнях, но и различным отношением региональных лидеров к задачам, решаемым в каждом конкретном электоральном случае¹.

Следует отметить, что в 2010 г. главы пяти регионов из данного списка, в том числе четырех наиболее мощных экономически (Башкортостан, Татарстан, Ростовская область и Москва) по инициативе федерального центра лишились своих постов, причем не во всех случаях речь шла о передаче власти преемнику. Действия Кремля в данном случае объяснялись стремлением поменять имеющих собственную позицию и иногда проявляющих своеволие глав на более управляемые и более слабые в политическом отношении фигуры (этот процесс в 2009–2010 гг. затронул и субъекты Федерации с иным типом режима). Однако подобные перестановки чреваты разбалансировкой сложившихся в данных регионах систем управления, что может сказаться и на степени контроля над электоральными процессами, а следовательно, и на результатах федеральных и региональных выборов по партийным спискам.

Значительно шире список субъектов РФ, в парламентах которых на рубеже 2000–2010-х гг. представительство партий (по крайней мере, формальное) было более разнообразно. На лето 2011 г. в региональных собраниях Дагестана, Хакасии, Пермского и Ставропольского краев, Калининградской и Томской областей были представлены

¹ Интересно, что именно в Омской области, где результаты «Единой России» на думских выборах 2007 г. были ниже общероссийских показателей, на последовавших вскоре президентских выборах был зафиксирован беспрецедентный рост количества проголосовавших избирателей по сравнению с первоначальными результатами — почти на 90 тыс. См.: Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания. Административные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 184–185.

по пять партий. В парламенте последней, впрочем, депутатов от всех остальных партий было в три раза меньше, чем от «Единой России», в представительных органах большинства других регионов — примерно в два раза меньше, тогда как в Думе Ставропольского края — примерно столько же. Примерно равным было соотношение представителей «Единой России» и других партий было в парламентах Калужской, Кировской (здесь выборы состоялись весной 2011 г.), Свердловской областей, в Собрании депутатов Ненецкого автономного округа и в Законодательном собрании Санкт-Петербурга. При этом в каждом из этих органов присутствовали представители четырех официально зарегистрированных партий.

Более высокая степень межпартийной конкуренции определялась, по меньшей мере, тремя основными факторами — расколом элит, более высоким уровнем оппозиционных настроений и демократическими традициями, сознательно или вынужденно поддерживаемыми руководителями данных субъектов Федерации. В каждом случае сочетание данных факторов могло быть различным, поэтому экономические, социальные и национальные характеристики не играли в данном отношении определяющей роли.

В то же время значимость тех или иных факторов, а также обстоятельства их возникновения определяют устойчивость соответствующих партийно-политических характеристик региональных режимов. Интересен пример Тувы. В 2006–2007 гг. этот субъект РФ оказался для «Единой России» одним из наиболее проблемных, после того как значительная часть местной элиты перешла в жесткую оппозицию к главе республиканского правительства Ш. Ооржаку и перешла под знамя Российской партии жизни, а затем, соответственно, «Справедливой России». По итогам региональных выборов 2006 г. «Единая Россия» фактически утратила большинство в Великом Хурале. Однако после смещения Ооржака раскол элиты был преодолен и по итогам внеочередных выборов 2010 г., проведенных в связи с отказом от двухпалатной структуры парламента, Тува, как уже отмечалось, вошла в число регионов, где политическое доминирование «Единой России» является максимальным.

Однако такая радикальная смена характеристик является, скорее, исключением. Вряд ли она возможна в Санкт-Петербурге, Пермском крае, Свердловской и Калининградской областях. Более вероятным представляется обратный процесс, когда дестабилизация и разрушение региональных авторитарных режимов приведет, вопреки желанию инициаторов этих изменений, к подрыву позиций «партии власти» и утрате ею доминирующих позиций в такой степени, что регион сразу же перейдет в категорию «проблемных» для «Единой России» субъектов РФ.

Степень доминирования «Единой России», как было показано выше, в значительной мере является следствием отношений между региональными элитными группами. Если они склонны договариваться между собой, то наиболее крупные политические игроки выдвигаются от «Единой России», а распределение округов между ними происходит еще до начала избирательной кампании, как правило, непублично — в результате переговоров (согласований, торга и т. п.), проводимых на площадке «партии власти»¹. Тогда у кандидата от «Единой России», как правило, не оказывается на выборах сколько-нибудь серьезных конкурентов, и он «естественным образом» оказывается доминирующим кандидатом. Такой «раздел округов» является вполне рациональной стратегией, и склонность к нему могут демонстрировать элиты как экономически развитых, так и слабых, как национальных, так и «чисто русских» регионов.

Вопрос лишь в том, как обеспечить эффективность этого распределения. И проблем здесь значительно меньше в тех регионах, где один из политических акторов занимает откровенно господствующие, «гегемонистские» позиции. Поскольку практически никто не решается идти против его воли, его (или согласованные с ним) кандидаты, выдвинутые, естественно, от «Единой России», заранее «обречены» на победу, и выборы превращаются в фарс. Если рассмотреть эту группу регионов, мы опять-таки обнаружим влияния социально-экономических факторов. Татарстан, Башкортостан, Кемеровская область и пр. — далеко не самые слабые в социально-экономическом плане субъекты РФ.

Если же явного «гегемона» нет, ключевое значение приобретает вопрос, готовы ли элитные группы к компромиссам, согласованиям и прочим действиям такого рода на площадке «Единой России». Таким образом, напрашивается вывод, что основное влияние на степень доминирования «Единой России» в регионах оказывают не «структурные факторы», а социально-психологические характеристики региональных элит, точнее степень их склонности к конформизму и готовности к компромиссам. Косвенно об этом говорит высокий коэффициент корреляции между голосованием за Д. Медведева в 2008 г. и степенью доминирования в регионе «Единой России». Эта же переменная вносит наибольший вклад в регрессионное уравнение, коэффициент регрессии в котором, кстати говоря, имеет достаточно высокое значение.

¹ Введение процедуры «праймериз», разумеется, трудно считать публичным соревнованием между потенциальными кандидатами — хотя бы потому, что их результаты не являются решающими при формировании списка кандидатов от «Единой России», хотя значение этой процедуры для внутрипартийной жизни и конкуренции между различными акторами, судя по всему, не следует и преуменьшать.

«Единая Россия» и выборы органов местного самоуправления

Выборы местного уровня были той сферой, где идеологические мотивы, за исключением ряда городов, не играли существенной роли даже в начале 1990-х гг. Подход избирателей к формированию органов местного самоуправления был, вероятно, наиболее прагматичен. Большую роль здесь играли факторы, не связанные с идеологией и партийной лояльностью — корпоративная общность, землячество, личная симпатия или антипатия к кандидату и т. д. Тем не менее строительство «вертикали власти» вполне логично породило во второй половине 2000-х гг. стремление привести результаты местных выборов к тому же знаменателю, что и федеральные и региональные. Это создавало для локальных элит принципиально новую ситуацию, с которой они не сталкивались на протяжении всего постсоветского периода.

Однако попытки «Единой России» определять исход местных выборов, в частности выборов глав муниципальных образований, никогда не были особенно результативны. До 2008 г. это можно было списать на то, что «партия власти» строилась сверху, и ее политический монополизм будет последовательно распространяться с федерального на региональный уровень, а с регионального на местный. Однако притом, что к 2008 г. эти цели на федеральном, а во многом и на региональном уровнях были достигнуты, осенью того же года «Единая Россия» потерпела ряд чувствительных поражений именно на местных выборах, прежде всего выборах глав местного самоуправления. Ситуация повторилась в 2009 г. и с еще большей очевидностью заявила о себе в 2010 г.

В Свердловской области осенью 2008 г. принципиальным стало сокрушительное поражение кандидата от «Единой России» на выборах главы Нижнего Тагила — второго по величине города региона, а также проигрыш на выборах мэров Алапаевска и Дегтярска. За этим последовало поражение в марте 2009 г. ставленников «партии власти» еще в ряде мест — Реже, Краснотурьинске, Ирбите и Сысерти. Как отмечают эксперты, число таких случаев, вероятно, было бы гораздо большим, если бы в Свердловской области выборы глав муниципальных образований проводились, как в Пермском крае, не по простой, а по сложной мажоритарной системе, предусматривающей возможность проведения второго тура голосований¹. Наконец, в марте 2010 г., уже при новом губернаторе, ставленники «Единой России»

¹ Из беседы с заместителем директора ИФиП УрО РАН К.В. Киселевым.

проиграли во всех четырех муниципальных образованиях, где проходили выборы.

В некоторых случаях проигрыш кандидата от «партии власти» был разгромным, иногда он оказывался лишь на третьем-четвертом месте, зачастую уступал сопернику, находившемуся в ходе избирательной кампании в заведомо неравном положении. В Челябинской области в марте 2009 г. значительный общественный резонанс и язвительные комментарии информантов вызвало поражение кандидата от «Единой России» на пост главы г. Трехгорный — он получил всего 36,35% голосов¹. На внеочередных выборах главы Калачевского муниципального района Волгоградской области, состоявшихся в июне 2009 г., кандидат-«единоросс», несмотря на активную поддержку со стороны губернатора и руководства областной партийной организации, получил лишь 32,6% голосов, в то время как победивший представитель «Справедливой России» — 55%. Сенсационными стали результаты прошедших тогда же выборов главы подмосковного Звездного городка, на которых с результатом 82,61% голосов победу одержал находящийся под следствием Николай Рыбкин, тогда как противостоявший ему представитель «Единой России» заручился поддержкой всего 11% избирателей.

Появились и территории, где «Единая Россия» стабильно проигрывает местные выборы. Так, на протяжении немногим более года ставленники «партии власти» одну за другой проиграли три избирательные кампании в г. Чайковский Пермского края. Сначала, в октябре 2008 г., выборы главы Чайковского городского поселения. Затем, в марте 2009 г., выборы главы Чайковского муниципального района (основная часть населения которого живет в том же городе). И, наконец, в декабре 2009 г. — снова выборы главы городского поселения, проводившиеся в силу того, что летом Дума Чайковского по инициативе губернатора Олега Чиркунова досрочно отправила действующего мэра в отставку. В 2010 г. кандидаты от «Единой России» последовательно проиграли выборы в трех крупнейших городах Иркутской области — Иркутске, Усть-Илимске и Братске.

¹ См., например: На выборах главы города Трехгорный в Челябинской области кандидат-«единоросс» проиграл беспартийному бухгалтеру // Интерфакс. 2.03.2009. URL: http://www.interfax-russia.ru/r/V/uralPol/160.html?menu=6&id_issue=12234807 (дата обращения 01.10.2009) (интересно, что данное сообщение было опубликовано агентством в разделе «происшествия». — О.П.); Выборы-2009: в Трехгорном авторитет личности перевесил принадлежность к партии большинства // Новый регион — выборы. 4.03.2009. URL: www.nr2.ru/election/222926.html; Главный южноуральский единоросс прокомментировал итоги выборов // ФедералПресс. 2.03.2009. URL: http://www.amurpolit.ru/federal/polit/part/id_132007.html (дата обращения 01.10.2009).

В целом география поражений кандидатов от «Единой России» на выборах глав отдельных муниципалитетов уже весной 2009 г. была весьма обширна — от Калининградской области (Гурьевский и Озерский районы) на западе до Приморского края (Партизанск) на востоке и Ростовской области на юге. В последней кандидат от «Единой России» в марте 2009 г., пусть и с небольшим отставанием, но проиграл выборы главы стотысячного Новошахтинска, а в марте 2010 г. выдвиженец «партии власти» на выборах главы стосемидесятитысячного Новочеркасска со значительным отрывом уступил сопернику-коммунисту и показал не намного лучший результат, чем представитель «Справедливой России».

Таким образом, итоги избирательных кампаний с осени 2008 г. до весны 2011 г. позволяют делать вывод о нарастании у «Единой России» проблем с выборами глав муниципалитетов.

При этом значимость выборов глав муниципальных образований не следует недооценивать, зачастую они имеют принципиальное значение. Явка избирателей на них, как правило, уступает явке на федеральные выборы, в том числе на выборы депутатов Государственной думы, но они вызывают, возможно, даже больший интерес именно у наиболее общественно активной части населения. Кроме того, речь идет о власти, которая находится ближе всего к жителям той или иной территории и, соответственно, наиболее им знакома.

С нашей точки зрения, есть основания полагать, что поражения, которые «Единая Россия» несет на местных выборах с конца 2008 г., являются не столько проявлением кризиса в обществе и, соответственно, роста протестных настроений, сколько обусловлены природой самой «партии власти», пределами роста ее возможностей, заложенными внутри нее противоречиями.

Становление «партии власти» является не причиной, а следствием изживания публичной политической конкуренции, в том числе (а, возможно, и прежде всего) при проведении выборов. Наиболее влиятельные акторы заранее «разруливают» ситуацию, сводя собственное электоральное соперничество к минимуму. Происходит это и путем силового давления, и путем торга, в одну из площадок которого и превращаются структуры «Единой России». Те, кто уже обладают властным ресурсом того или иного уровня, имеют при этом несомненные преимущества. Как правило, их шансы на партийную поддержку могут быть «перебиты» лишь позицией руководителей более высокого ранга. Но так или иначе процесс принятия решения включает в себя, как правило, серию неформальных внутриэлитных переговоров и компромиссов, и лишь по отношению к тем, с кем не смогли или не захотели прийти к соглашению, применяется вся мощь административного давления, ресурсы которого тем мощнее, чем выше уровень принятия решения.

Однако все это может эффективно осуществляться лишь при наличии ряда условий: ограниченного числа предвыборных ситуаций и задействованных в них основных акторов, сосредоточения в одних руках ключевых ресурсов (административных, информационных, финансовых) и возможности конвертировать эти ресурсы в конкретный электоральный результат. Такие условия сложились в период президентства В. Путина на федеральном, и до некоторой степени, на региональном уровнях (причем в различных субъектах РФ по-разному). Но такие условия фактически невозможны на местном уровне в случае наличия здесь конкурентной среды и проведения выборов на альтернативной основе.

Речь идет не только об обилии ситуаций и акторов, парализующем процесс централизованного принятия решений. Перечисленные выше ресурсы просто имеют на данном уровне меньшее значение и более ограниченные возможности конвертации.

Например, не очень эффективна в ходе выборов главы небольшого города возможность монопольно влиять на единственный местный телевизионный канал, если рейтинг этого канала низок, а местные новости и комментарии к ним распространяются преимущественно через неформальные сети. Попытки с помощью телевизионного воздействия сформировать у избирателей некие представления и образы, противоречащие их личному опыту, рискованны и вполне могут приводить к результату, противоположному тому, на который надеются инициаторы. Примером может служить ситуация на выборах главы Чусовского городского поселения (Пермский край) осенью 2008 г., когда представители градообразующего предприятия, действующие под флагом «Единой России», стремились не допустить избрания В. Бурьянова, вплоть до 2006 г. возглавлявшего Чусовской район. Исследовательница О.А. Рябова, основываясь на собственном включенном наблюдении, отмечает: «Показываемые по местному телевидению дуперрадирующие программы о периоде деятельности прежней (бурьяновской) власти, как о временах разрухи и упадка для Чусового, с красочным названием “Город, который мы потеряли” ... достигали, скорее, обратного эффекта — воспоминания о том времени были еще свежи, и они говорили о том, что отнюдь не все было так плохо. Такие приемы заводской команды, скорее, разозлили колеблющуюся часть электората и заставили ее склониться на сторону Бурьянова»¹. С другой стороны, в условиях малого города даже расклейка грамотно подготовленных информационных листовок может иметь не меньший эффект, чем та или иная телевизионная передача.

¹ Рябова О.А. Градообразующие предприятия как акторы локальной и региональной политики. Дис. ... степени канд. полит. наук. Пермь, 2009. С. 78–79.

Нехватка квалифицированных кадров, грамотных и опытных специалистов, ощущаемая в большинстве муниципалитетов, зачастую не дает в полной мере задействовать в предвыборных целях управленческую вертикаль. Вряд ли будет эффективным давление по административной линии на главврача районной больницы или директора местной школы, если этот врач или директор давно уже грозит покинуть на стол заявление об уходе и перебраться в областной центр.

Многочисленное превосходство в финансовых ресурсах также может не сыграть особенной роли, т. к. не только формальные, но и реальные возможности потратить средства на проведение избирательной кампании на данном уровне в ряде случаев ограничены — здесь вполне достижим предел, перейдя который заказчик, сколько бы он дальше ни увеличивал финансирование, приобретает фактически один и тот же набор электоральных услуг без гарантии конечного результата.

Возможности добиться под тем или иным предлогом снятия с предвыборной гонки неугодных соперников и тем самым расчистить путь ставленнику «партии власти» на местных выборах тоже ограничены. Во-первых, в каждом таком случае или, по крайней мере, в их большинстве необходимо обеспечить своему выдвиженцу набор безопасных спарринг-партнеров, чтобы соблюсти видимость конкуренции и альтернативности выбора. Сама по себе эта задача не очень проста и достаточно трудоемка. При этом неприятие избирателями представителя «партии власти» может оказаться столь велико, что они все равно отдадут свою поддержку любому альтернативному претенденту (вряд ли это можно ожидать, например, на президентских выборах). Среди упомянутых выше случаев есть примеры победы кандидатов, чьи шансы на старте кампании рассматривались как ничтожные. Во-вторых, принятые в политических штабах «единороссов» решения о нейтрализации потенциально сильных соперников не обязательно будут исполнены. Руководители и члены местных избирательных комиссий от «Единой России» — люди с многочисленными дружескими, деловыми, родственными связями и партийная дисциплина среди них хромает ничуть не меньше, чем среди потенциальных кандидатов. Все это, конечно, может быть преодолено в случае чрезвычайного административного давления, но такое давление опять-таки не может оказываться постоянно и повсеместно (исключения составляют лишь тоталитарные режимы).

В результате при проведении местных выборов «Единая Россия» оказывается в непривычном для себя положении участника публичной и относительно равной политической борьбы. Как правило, структуры этой партии даже не пытаются подготовить собственного кандидата на пост главы местного самоуправления и в случае отсутствия четкой позиции вышестоящих властей делают выбор среди

тех претендентов, которые уже определились (большинство из них в настоящее время не отвергает предлагаемое «партией власти» покровительство). Однако если наличествует бесспорный фаворит и ставка делается на него, значимость политического ресурса «Единой России» оказывается сомнительной — победа была бы одержана и без ее помощи. Связь с партией для такого кандидата является лишь выражением лояльности вышестоящим властям, без которого в современных условиях можно и обойтись. Если же приходится выбирать из кандидатов с сопоставимыми шансами, риск поражения резко увеличивается, отсутствие у «Единой России» возможности «решающего слова» (что так необходимо для сохранения статуса «партии власти») становится очевидным. Уже само по себе стремление «угадать» победителя, которое невозможно сделать неявным, поскольку оно требует времени и проведения не только закулисных, но и публичных согласований, подрывает основу основ таких партийных претензий. Не говоря уже о том, что в выборе можно ошибиться и, более того, своей поддержкой только навредить кандидату, заставив сплотиться против него основных соперников.

Таким образом, вне зависимости от состояния экономики и уровня жизни возможности «Единой России» по установлению контроля над органами местного самоуправления ограничены. Никакие институциональные ухищрения не могут принципиально изменить данное положение, если только не будет устранена даже видимость политической конкуренции и выборам не будет придан фактически безальтернативный характер. Вряд ли для творцов нынешней системы власти в России это окажется возможным, тем более, что на более высоких политических уровнях они на определенном этапе смогли успешно без этого обойтись.

Выводы

Таким образом, сложившаяся в России партийная система в своих электоральных аспектах существенным образом отличается от той нормативной модели, на которую она якобы ориентируется. Во-первых, она не обеспечивает справедливой и действенной конкуренции на выборах. Во-вторых, избиратель, осуществляя выбор, в наименьшей степени руководствуется программно-идеологическими соображениями. Если в первой половине 1990-х гг. их роль была еще довольно велика, то впоследствии она практически полностью сошла на нет.

Однако формального отказа от этих принципов также не было провозглашено. Честная, свободная и справедливая конкуренция по-прежнему признается краеугольным камнем политики государства в

электоральной сфере. Что касается приоритета программно ориентированного голосования над остальными возможными видами, то, судя по усиленному внедрению пропорциональной системы на выборах всех уровней, этот принцип не только сохраняет силу, но и доводится до крайнего предела, т. е. до абсурда.

Результатом этих усилий стало создание системы, базирующейся на доминировании «партии власти» в условиях ограниченной конкуренции и электорального авторитаризма¹. На общероссийском уровне (в отличие, от некоторых стран постсоветского пространства) степень доминирования «Единой России» не достигает крайних степеней, однако в регионах ситуация выглядит хуже, т. к. в ряде случаев наблюдается именно гегемония ЕР, хотя следует еще раз подчеркнуть, что поскольку «Единая Россия» не является самостоятельным актором, а ее гегемония (доминирование) является проявлением гегемонии (доминирования) какого-либо лидера или правящей группы.

С другой стороны, хотя в целом степень доминирования «Единой России» в регионах достаточно высока, велики и кросс-региональные различия. Наряду с регионами, где «партия власти» является гегемоном, существует группа субъектов РФ, где различные элитные группы достигают договоренности, консолидируясь на площадке «Единой России». Во многих регионах выборы в законодательные собрания отнюдь не являются фарсом. В большинстве одномандатных округов имеет место реальная конкуренция за голоса избирателей, и хотя чаще побеждают кандидаты «партии власти», представители оппозиции тоже имеют шансы, а нередко и празднуют победу. Иначе говоря, принципиально важным представляется то, что кросс-региональная диверсификация имеет не только количественное, но и качественное значение.

Процесс формирования современной партийной системы России с доминирующей «партией власти» нельзя рассматривать как навязывание региональным элитам схемы, разработанной на федеральном уровне. Зачастую этот процесс формировался и получал ускорение за счет импульсов, исходящих именно от субъектов Федерации, по крайней мере, от какой-то их части.

Весьма примечательно, что «структурные» характеристики регионов практически не влияют на степень доминирования «Единой России». Гораздо более важным фактором являются характеристики

¹ См.: Коргунюк Ю.Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / ред. Е.Ю. Мелешкина, Г.М. Михалева. М., 2009; Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et contra. 2008. № 1.

региональных политических режимов: конфигурация акторов и их стратегии. Доминированию «Единой России» способствует наличие господствующего и контролирующего всю региональную политику актора, а если его нет — компромиссные и конформистские стратегии региональных элит.

Влияние региональных политических и бизнес-элит во многом определяет итог избирательной кампании партий в отдельных субъектах Федерации¹. Однако сложившаяся система конверсии голосов и механизм формирования партийных списков фактически перераспределяет ресурсы в пользу доминирующей партии, возлагая при этом на региональные элиты значительную часть ответственности и расходов на проведение избирательной кампании.

Надеждам оптимистов на то, что «в 2007 году при выборах в новую Государственную Думу мы увидим рождение новой и вполне жизнеспособной системы политических партий»² не было суждено сбыться. К началу 2010-х гг. использование любой другой партии, кроме «Единой России», могло обеспечить максимум депутатский мандат в органе представительной власти того или иного уровня (в лучшем случае пост заместителя председателя этого органа). При этом возможности присоединения к «партии власти» в будущем ограничивались, и примкнувший к другому политическому лагерю должен был, как правило, ограничивать свои политические амбиции и действовать в жестко очерченных рамках.

В то же время не совсем точными представляются оценки, согласные которым после избирательного цикла 2007–2008 гг. «борьба между партиями [в России] отличается от политической конкуренции так же, как нанайская борьба от реального поединка»³. Оставшимся на политической сцене партиям, скорее, отводилась роль удобных спарринг-партнеров для «Единой России». Они сохраняли ту или иную степень автономии в своих действиях, но исход всех сражений на электоральном поле действительно был предопределен. С нашей

¹ Кынев А.В. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 33; Reuter O.J., Remington T.F. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the case of United Russia // Comparative political studies. 2009. 42: 501–527. P. 520.

² Медведев Р. Владимир Путин: Третьего срока не будет? М., 2007. С. 426.

³ Кулик А.Н. Российская «многопартийность» после избирательного цикла 2007–2008: конец истории? // Новый политический цикл: повестка дня для России: Тезисы докладов. М., 2008. С. 160. Автор имел в виду «борьбу нанайских мальчиков» — образ, который на рубеже 2000–2010 гг. в целом оказался широко востребован для характеристики политического процесса в России.

точки зрения, такая ситуация имеет для «Единой России» два негативных последствия. Во-первых, вечный электоральный «спарринг», отсутствие реальных боев депрофессионализирует лидеров, аппарат и технологов «партии власти». При этом вероятность столкновения с реальным противником сохраняется. Во-вторых, основная часть внутриэлитных расколов, неизбежно существующих и возникающих вновь, оказалась перенесена внутрь «Единой России», и партийная дисциплина не может служить действенным средством против них.

Кроме того, беспомощность «Единой России» на местных выборах сильно затрудняет, а то и вовсе делает невозможным выстраивание полноценных партийных структур на локальном уровне. Такие структуры становятся во многом искусственными и слабо востребованными, превращаясь в придаток местных администраций или градообразующих предприятий. В результате наращенная на других уровнях политическая мощь оказывается замкнутой в пределах Садового Кольца, губернаторских резиденций и стен региональных парламентов. Разрыв между политическими процессами на федеральном, региональном и локальном уровнях не только сохраняется, но даже усиливается. Избирателю, в частности, ничто не мешает воспринимать «Единую Россию» как «партию Путина» на федеральных выборах и как «партию Пупкина» на региональных и, особенно, местных. Вполне может быть, что этот «Пупкин» окажется фигурой влиятельной, авторитетной, популярной и даже харизматичной. Но с не меньшей вероятностью он может быть уязвимым, слабым, критикуемым и даже вызывающим презрение у избирателей. Кризисные явления и рост политического протеста (да и просто политической активности как таковой) являются для данной системы серьезным испытанием. Но даже в случае более или менее благополучного преодоления последствий экономического кризиса рассмотренная коллизия вряд ли может быть решена в рамках существующего политического режима.

РАЗДЕЛ IV. ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Если на федеральном уровне неудачу попытки представить реальную партийную жизнь как вполне соответствующую требованиям принятой на вооружение модели партии и партийной системы еще можно как-нибудь замаскировать формальными ухищрениями, то на уровне регионов их кардинальное несоответствие не удастся скрыть никакими средствами.

Прежде всего, это касается организационного устройства партий. Региональные отделения подавляющего большинства политической партии всегда были весьма слабыми и малочисленными и никак не подпадали под определение массовых. До начала 2000-х гг. единственное исключение составляли организации КПРФ, да и в этом случае никто не ставил задачей проверить соответствие заявленной и реальной численности региональных отделений. «Партийная реформа» 2000-х гг. заставила зарегистрированные партии хотя бы формально соответствовать требованиям о минимальной численности партий, однако даже чтобы создать эту видимость региональные партийные организации нередко были вынуждены пускаться «во все тяжкие», сдавая свой «бренд» в аренду бизнес-структурам. В своей же повседневной деятельности они едва ли не полностью контролировались региональными администрациями.

Что касается региональных партийных систем, то на их примере наиболее заметна смена моделей, на которые ориентировалась федеральная власть. Если на протяжении 1990-х гг. полагалось нужным сохранять видимость реальной многопартийности, ввиду чего на местах поощрялся плюрализм, породивший бурное разнообразие региональных партийных систем — от практически полного отсутствия партийной жизни до доминирования одной из политических партий (как правило, КПРФ или какого-нибудь регионального прогубернаторского объединения), то в начале 2000-х гг. был взят курс на «малопартийность», а в действительности — на обеспечение доминирующих позиций «Единой России». Это, в свою очередь, привело к уни-